

Зимин Данила Геннадьевич

магистрант 2 курса очной формы обучения кафедры гражданского права,
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Крымский филиал,
г. Симферополь, Россия

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРЕЗУМПЦИИ ОТЦОВСТВА МУЖА МАТЕРИ В РОССИЙСКОМ СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ – ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и правоприменительные затруднения, связанные с действующим судебным порядком преодоления брачной презумпции отцовства, закрепленной в п. 2 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации. Прослеживается путь института от римского правила *pater est quem nuptiae demonstrant* до его современной формы. Анализируются позиции отечественной доктрины, новейшая судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации, а также сравнительно-правовой опыт Республики Беларусь. Особое внимание уделено проблеме вынужденного отцовства и роли молекулярно-генетической экспертизы как фактора, заострившего разрыв между фактическим и юридическим отцовством. По итогам исследования автор обосновывает целесообразность введения в российское семейное законодательство внесудебного порядка преодоления презумпции отцовства – по модели совместного заявления матери, ее супруга (бывшего супруга) и биологического отца в орган, регистрирующий акты гражданского состояния.

Ключевые слова: презумпция отцовства; муж матери; установление отцовства; оспаривание отцовства; внесудебный порядок преодоления презумпции; вынужденное отцовство; молекулярно-генетическая экспертиза; Семейный кодекс Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации; сравнительно-правовой анализ.

Abstract. The article examines theoretical and law-enforcement difficulties associated with the current judicial procedure for rebutting the marital presumption of paternity established in paragraph 2 of Article 48 of the Family Code of the Russian Federation. The development of the institute from the Roman rule *pater est quem nuptiae demonstrant* to its modern form is traced. The positions of Russian doctrine, the most recent case law

of the Constitutional Court of the Russian Federation, and the comparative legal experience of the Republic of Belarus are analyzed. Particular attention is paid to the problem of forced paternity and to the role of molecular-genetic expertise as a factor that has sharpened the gap between actual and legal paternity. The author substantiates the expediency of introducing into Russian family legislation an extrajudicial procedure for rebutting the presumption of paternity – modeled on a joint application by the mother, her spouse (former spouse), and the biological father to the body registering civil status acts.

Keywords: *presumption of paternity; husband of the mother; establishing paternity; challenging paternity; extrajudicial procedure for rebutting the presumption; forced paternity; molecular-genetic expertise; Family Code of the Russian Federation; Constitutional Court of the Russian Federation; comparative legal analysis.*

Институт презумпции отцовства мужа матери уже несколько десятилетий находится в центре научно-практической дискуссии. С одной стороны, эта правовая конструкция остается главным каналом юридического оформления родительской связи мужчины с ребенком, родившимся в браке. С другой – активное распространение молекулярно-генетических исследований и расширение круга жизненных сценариев, не предусмотренных классической моделью брачной семьи, обнажают неготовность действующего порядка отвечать запросам сегодняшнего общества. В подобных обстоятельствах своевременным выглядит обращение к анализу того, насколько правовой механизм опровержения данной презумпции согласуется с интересами всех ее адресатов – матери, ребенка, мужа матери и биологического отца.

Историко-правовая основа презумпции отцовства уходит корнями в эпоху Древнего Рима, где власть отца над детьми устанавливалась по формуле *pater est quem nuptiae demonstrant* – отцом признается тот, на кого указывает брак. О.П. Михайлова, С.М. Алексеенко и Д.М. Гайдукова обращают внимание на то, что данная конструкция превратилась в правовую традицию, воспринятую законодателями Австрии, Франции, Канады, Швейцарии, Нидерландов, Германии, Японии и иных государств; и сегодня она остается нормой, легально закрепленной национальными законодательствами. Российская модель не стала исключением – пункт 2 статьи 48 Семейного кодекса Российской Федерации фактически воспроизводит классическое начало римского права в новых исторических условиях.

Согласно п. 2 ст. 48 СК РФ, если ребенок появился на свет от лиц, состоящих между собой в браке, либо в пределах трехсот дней с момента расторжения брака,

признания его недействительным или смерти супруга, отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери – до тех пор, пока обратное не доказано. Само отцовство подтверждается записью о браке. На правовой природе данной конструкции делает акцент Р.А. Торосян: презумпция отцовства – это предполагаемое родство отца, в основу которого положен сам факт брака и для которого доказывание не требуется; отцовство при этом выводится из супружеских отношений, а не из биологической связи отца с ребенком, и именно отсюда вырастают ключевые практические затруднения.

Острота описанного механизма усиливается там, где супруги фактически живут отдельно, имеют иных партнеров, но формально продолжают пребывать в зарегистрированном браке. В подобных конфигурациях актовая запись неизбежно отнесет ребенка к супругу или бывшему супругу матери – даже когда у обоих и у биологического отца отсутствует намерение зафиксировать именно этого мужчину в качестве родителя. В.А. Болдырев, обращаясь к легальной презумпции отцовства, ставит вопрос о ее реформировании с учетом изменившихся социальных реалий: биологический отец, по его наблюдению, лишен возможности установить отцовство в случаях, когда мать состоит в браке, а значит – лишен реализации конституционного права на заботу о собственном ребенке.

Действующее регулирование исходит из того, что опровергнуть презумпцию отцовства можно лишь в судебном порядке – через институт оспаривания отцовства (ст. 52 СК РФ). М.И. Черкашина, разбирая нормативное содержание данного института, отмечает: фиксация именно судебной формы оспаривания служит гарантией защиты прав ребенка, семьи, отцовства и материнства. Перечень управомоченных лиц закреплен в ст. 52 СК РФ; правом оспаривания обладают также лица, выявленные сопоставлением со ст. 49 СК РФ, – в том числе фактический воспитатель. Существенное уточнение в круг субъектов оспаривания внес Конституционный Суд Российской Федерации Постановлением от 02 марта 2021 года № 4-П, признав за наследниками умершего отца право обращаться с заявлением об оспаривании – в случаях, когда запись в книгу рождений сделана с нарушением закона.

Закон, однако, не оставляет это право безусловным. Согласно п. 2 ст. 52 СК РФ, лицо, добровольно признавшее отцовство при знании о том, что фактически оно не является родителем, не вправе впоследствии ссылаться на отсутствие кровной связи. Логика нормы прозрачна: предполагается, что мужчина при регистрации своего отцовства взвешивал все возможные правовые последствия и прекрасно понимал биологическую реальность. По указанной причине произвольно

менять впоследствии собственное решение и оспаривать отцовство по этому основанию ему не дозволено – подобный подход направлен на стабильность семейно-правовых связей и защиту интересов несовершеннолетнего.

Между тем именно эта стабилизирующая цель оборачивается серьезной проблемой в ситуации, когда обе стороны брака с самого начала знают о несовпадении юридического и биологического отцовства, но не имеют возможности оформить эту реальность вне суда. А.А. Кулакова, А.Н. Ломакина и Ю.А. Павлова характеризуют вынужденное (презупттивное) отцовство как негативное явление, высказывая обоснованное предположение о невозможности поддерживать гармоничные отношения в случаях, когда отец ребенка, не являясь биологическим родителем, не желает в дальнейшем им считаться. По их наблюдению, вынужденное отцовство нередко отражается губительно на отношениях между родителем и ребенком, создавая опасность безразличия, агрессии либо противоправных действий внутри семьи.

Е.Е. Леканова, прорабатывая советские и постсоветские модели судебного и административного преодоления презумпции отцовства, обращает внимание на любопытную историческую цикличность: административный способ преодоления презумпции за последнее столетие трижды появлялся в отечественном законодательстве и столько же раз упразднялся, после чего его основа вновь нашла отражение в законопроекте, рассматривавшемся в 2017–2019 годах, но так и не принятом. Подобный «маятниковый» характер развития сам по себе указывает на отсутствие у законодателя ясной концептуальной позиции и на потребность в ее выработке.

Интересно, что обращение в суд становится избыточным именно в тех случаях, когда мать ребенка и ее супруг (бывший супруг) еще на момент регистрации рождения достоверно знают, что муж (бывший муж) – не биологический отец, и оба не желают именно его указывать в актовой записи. В подобных сценариях привлечение судебной процедуры выглядит процессуально излишним, поскольку никаких спорных фактов между сторонами не существует. А.А. Кулакова и соавторы поддерживают позицию о необходимости возвращения административного преодоления презумпции отцовства, отмечая, что такой механизм наиболее эффективно гарантирует право детей знать своего родного отца и родственников по отцовской линии, а заодно обеспечивает мужчине, не являющемуся биологическим отцом ребенка, защиту от обязанности содержать и воспитывать чужого ребенка.

У этой позиции есть и оппоненты. В частности, высказывается опасение, что отсутствие судебного контроля при преодолении презумпции способно привести к нарушению интересов и прав ребенка – на практике встречается фиктивное внебрачное отцовство, которое впоследствии стороны пытаются оспорить. Названный довод обоснован, однако его сила существенно ослабляется тем, что молекулярно-генетическая экспертиза за последние два десятилетия превратилась в максимально доступный и достоверный инструмент. В.А. Болдырев и К.Г. Сварчевский, оценивая взаимное движение технологий и правовых норм, обращают внимание на риски, связанные с растущим влиянием молекулярно-генетических тестов на отцовство, и указывают, что бесконтрольное распространение генетического тестирования способно ослабить устоявшиеся семейные ценности и расшатать детско-родительские отношения. Это означает, что внесудебный механизм должен сопровождаться обязательным предъявлением заключения экспертизы – чтобы исключить злоупотребления.

Богатый материал для сравнительно-правового моделирования предоставляет опыт Республики Беларусь. Согласно ст. 51 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, установление отцовства идет через подачу совместного заявления в орган, регистрирующий акты гражданского состояния; в этот же орган подаются еще два заявления – одно от матери ребенка с указанием на то, что ее нынешний супруг отцом ребенка не является, и второе от самого этого супруга с аналогичным утверждением. Подобная конструкция позволяет оформить действительное отцовство без судебного разбирательства, обеспечивает быстрое появление у ребенка юридически определенного отца и одновременно избавляет мужа матери от несправедливо возложенного на него родительского статуса.

Адаптация белорусской модели к российской правовой системе позволила бы устранить ту лакуну, на которую обращают внимание исследователи. В частности, отечественное семейное законодательство пока не предусматривает четкой регламентации того, как мать ребенка (или оба супруга совместно) могут заявить о том, что нынешний супруг матери биологическим отцом ребенка не является. Ряд правоведов квалифицирует отсутствие подобной нормы как законодательное упущение и фактор, усложняющий процедуру установления отцовства. Сейчас отцом автоматически считается лицо, состоящее в браке с матерью новорожденного ребенка, а супругам, желающим изменить эту запись, остается обращаться в суд и оспаривать запись об отце – даже когда никакого спора между ними и биологическим отцом не существует.

Близкую проблематику в специальной работе разбирают С.Н. Тагаева и Г.Г. Бодурова, обращаясь к процессуальным особенностям установления отцовства по российскому законодательству. Авторы обращают внимание на то, что бремя доказывания по таким делам распределяется недостаточно четко, а статус несовершеннолетнего, в чьих интересах ведется процесс, нередко оказывается за скобками. Этот же вывод применим и к делам об оспаривании отцовства: чем больше предмет спора смещается в сторону подтверждения уже известного сторонам факта, тем менее оправданно загружать судебную систему рассмотрением подобных дел.

Дополнительный аргумент в пользу реформы предоставляет позиция Л.А. Емелиной и С.А. Яворского. Авторы поднимают принципиальный вопрос о дискриминации отцов в сфере семейных правоотношений: по их данным, в 94 процентах случаев права на воспитание ребенка переходят к матери, а само понятие «отцовство» в Конституции Российской Федерации не закреплено на одном уровне с материнством и детством. На взгляд исследователей, такая конфигурация порождает правовую неопределенность и неоднозначность в правоприменительной практике. Введение в семейное законодательство внесудебного механизма опровержения презумпции отцовства – в тех случаях, когда стороны единодушны, – стало бы одним из практических шагов навстречу выравниванию правового положения отцов.

С учетом приведенных соображений видится оправданным внести в Семейный кодекс Российской Федерации норму, допускающую внесудебное преодоление презумпции отцовства мужа матери при следующих условиях. Во-первых, должно быть подано совместное заявление в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, тремя лицами – матерью ребенка, ее супругом (бывшим супругом) и биологическим отцом. Во-вторых, к заявлению необходимо приложить заключение молекулярно-генетической экспертизы, подтверждающее биологическое отцовство соответствующего лица. В-третьих, обязательной должна быть отметка о согласии матери на признание биологического отца юридическим отцом ребенка. При наличии всей совокупности названных условий орган ЗАГС вносит соответствующие изменения в актовую запись о рождении ребенка без обращения сторон в суд.

Сложившаяся модель преодоления презумпции отцовства мужа матери исключительно через судебный порядок, оправданная в первоначальной редакции Семейного кодекса Российской Федерации, в современных условиях нуждается в корректировке. Дальнейшее сохранение единого судебного канала – при наличии у

сторон обоюдного желания зафиксировать действительное отцовство и при наличии достоверного генетического подтверждения – оборачивается процессуально избыточным обременением и для участников спора, и для самой судебной системы. Введение внесудебной процедуры по белорусской модели позволит сократить разрыв между фактическим и юридическим отцовством, обеспечить право ребенка знать собственных родителей и одновременно устранить нагрузку на суды по делам, в которых отсутствует подлинный спор о праве. Дальнейшее движение российского законодателя в этом направлении представляется не только обоснованным, но и неизбежным.

Список литературы:

1. Аблятипова Н.А. Анализ проблем, возникающих при реализации права на отцовство в семейном праве // Legal Concept (Правовая парадигма). 2024. Т. 23, № 1. С. 92–98.

2. Аблятипова Н.А., Сейдаметова М.А. Оспаривание отцовства и материнства – особенности законодательного регулирования и системность правоприменительной практики // Научный вестник Крыма. 2023. № 5(45). С. 1–10.

3. Алшымбек Д.Б., Остапович И.Ю. Оспаривание отцовства – проблемные вопросы защиты прав субъектов семейных правоотношений // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2023. № 1. С. 26–35.

4. Болдырев В.А. Легальная презумпция отцовства – время спросить молодежь // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 148–158.

5. Болдырев В.А., Сварчевский К.Г. Эволюция технологий, правовых и моральных норм – последствия распространения молекулярно-генетических тестов на отцовство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 1(63). С. 30–54.

6. Дадашова Э.Г. Особенности установления отцовства в судебном порядке // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 4(74). С. 157–169.

7. Демичев К.А. Последние тенденции защиты отцовства в контексте позиций Конституционного суда РФ // Конституция России и развитие законодательства – сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2022. С. 81–86.

8. Емелина Л.А., Яворский С.А. Отцы без права на отцовство – семейно-правовые механизмы обеспечения баланса интересов отцов и детей // Известия

Юго-Западного государственного университета. Серия – История и право. 2024. Т. 14, № 6. С. 90–102.

9. Жукова П.С. Презумпция отцовства и ее оспаривание в судебной практике // Актуальные проблемы современного права – соотношение публичных и частных начал. Краснодар, 2021. С. 122–126.

10. Исхаков Р.Р. Общие понятия защиты семейных прав. Понятие отцовства // Теория и практика современной науки. 2022. № 8. С. 59–66.

11. Кулакова А.А., Ломакина А.Н., Павлова Ю.А. Проблемы вынужденного отцовства // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 2. С. 81–83.

12. Леканова Е.Е. Оспаривание презумптивного отцовства и иные способы преодоления презумпции отцовства – советское наследие и современные реалии // Право и политика. 2025. № 10. С. 113–126.

13. Михайлова О.П., Алексеенко С.М., Гайдукова Д.М. Презумпция отцовства // Право – теория и практика-2023. Витебск, 2023. С. 62–68.

14. Рабец А.М. Презумпция отцовства мужа матери ребенка в семейном праве Российской Федерации и на постсоветском пространстве // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 20–23.

15. Тагаева С.Н., Бодурова Г.Г. Особенности процессуальных вопросов установления отцовства по российскому законодательству // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 23–27.

16. Торосян Р.А. Проблемы применения презумпции при установлении отцовства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия – Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, № 1. С. 80–88.

17. Черкашина М.И. Правовое регулирование оспаривания отцовства и материнства // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 363–384.